

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ЧЕРНАЯ ВОЛОСТЬ КОСТРОМСКОГО УЕЗДА XV в.

Монастырские акты XV в., связанные с Костромским уездом,¹ позволяют проследить некоторые черты черной волости этого времени и тем самым уточнить и дополнить наблюдения, сделанные на основе изучения переяславских актов.² Акты XV в. содержат сведения о волостях, граничивших с землями Троицкого Сергиева и Чудова монастырей. Троицкие вотчины были в XV в. расположены в южной части Костромского уезда, в Нерехотском усольи (села Федоровское, Юринское, Кувакино и Поемечье) и в его северной части — у Соли Галицкой (село Гнездниково). С этими вотчинами граничили земли Нерехотской волости и волостей Верхний Березовец и Залесье (последние две волости в конце XV в. представляли собой, по-видимому, одно целое). Сельцо Чудова монастыря Клеошинское граничило с землями Плесской волости. Что же говорят об этих волостях акты XV в.?

Как и в Переяславском уезде, основной ячейкой волости является крестьянская деревня — владение волостного человека. «А нынече, господине, на той земле хрестияне великого князя Феодотко, да Михаль Жировкин, да Микитка Феодотов сын поставили три деревни, а в деревне по двору», — жалуется судье на крестьян Нерехотской волости в конце XV в. троицкий старец Принарх («Елинарх»), посельский села Федоровского.³ Крестьяне «ставят» однодворные деревни, сын селится отдельно от отца. Перед нами картина, вполне аналогичная той, которую в это же время можно наблюдать и в Переяславском уезде. В представлении волостного человека деревня («земля») — прежде всего именно индивидуальное хозяйство. «...на той земле Буракове

¹ АСЭИ, тт. I и III.

² Ю. Г. Алексеев. Волость Переяславского уезда XV в. В сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. (Труды ЛОИИ, вып. 2), М.—Л., 1960, стр. 228—256.

³ АСЭИ, т. I, № 540.

жил Бурак»;⁴ «... в той земле в Маткове жил Федор слободчик...»;⁵ «... земля Мичково Залесская волосная... жил, господине, тут Мичко»;⁶ «... отец мой... Иван жил в той земле в Носкове... в той земле (Носкове, — Ю. А.) жил Федор Носко»;⁷ «земля Шипулино Залесская волосная... жил тут Шипуля»,⁸ — так говорят в конце XV в. о прежних владельцах спорных с Троицким монастырем земель крестьяне волости Верхний Березовец — «люди добрые старожильцы», «помнящие» за 50—60 и больше лет. Хозяин деревни-двора ведет свое хозяйство самостоятельно: «И тот, господине, Нелидко припустил тое земли к себе сего лета... в яровое поле, впустил четверти на три, а в паренину на четверть», — говорит троицкий старец Геронтий о нерехотском крестьянине Нелидке Шубине.⁹ Волостные люди могут вести хозяйство и совместно — вдвоем.

Простейший случай подобного рода — в Плесской волости, где в 1505 г. Ивашко и Федько Петелины дети Солонинина «покоисили... пожнию... на трицать копен... да лес посекли и ярью посеяли к своей деревни к Зубцову».¹⁰ Здесь перед нами — совместное хозяйствование двух братьев, видимо не разделившихся после смерти отца. Вдвоем они отваживаются на довольно трудоемкое предприятие — расчистку леса для расширения своей пашни (видимо, здесь речь идет о подсеке). Совместно вести хозяйство могут и не только братья. В 80-х годах XV в. крестьяне волости Верхний Березовец Лаврок Фалелейков сын и Торопец Степанов сын Понафидина «поорали... да и посеяли пустошь Кашино».¹¹ На одном из судебных процессов 90-х годов в волости Верхний Березовец старожилец-знахорь Есюня Костин «тако рек»: «жил, господине, на Оглоблине отец мой Костя с Павлом (Захарьиным сыном)... а тому лет с пятьдесят».¹²

Источник прав волостного человека на землю — его принадлежность к волости. Именно волость (в лице своих представителей) наделяет крестьянина землей. Лаврок Фалелейков и Торопец Понафидин, пооравшие и посеявшие землю Кашино, так объясняют судьбу свои действия: «Нам, господине, ту пустошь Кашино дал староста залесской Ондрейка со крестьяны...».¹³

По отношению к своему участку-аллоду крестьянин выступает не как временный держатель, а как собственник. Существенным признаком этой собственности является право передачи ее по на-

⁴ Там же, № 583.

⁵ Там же, № 584.

⁶ Там же, № 585.

⁷ Там же, № 586.

⁸ Там же, № 594.

⁹ Там же, № 397.

¹⁰ Там же, т. III, № 48.

¹¹ Там же, т. I, № 523.

¹² Там же, № 587.

¹³ Там же, № 523.

следству, а также отчуждения (продажи). В отличие от материалов Переяславского уезда, костромские акты рисуют эту особенность крестьянского аллода довольно отчетливо.

«Сказывал ми, господине, отец мой, что та пустошь Станислово деда нашего была, а тянул дед наш к Залесью всеми потуги, а яз ее косил дватцать лет», — говорит на суде 90-х годов залесский крестьянин Гаврило Лягавин.¹⁴

В 30-х годах уже упомянутый Павел Захарьин, один из двух жителей деревни Оглоблино, продал в Троицкий монастырь «землю Оглоблинскую» за 160 бел.¹⁵ Речь идет, по-видимому, о продаже части деревенского участка — сама деревня Оглоблинская была куплена монастырем в 50-х годах за 3½ рубля у сына Павла Захарьина — Ивана.¹⁶ В 30—40-х годах крестьянин Нерехотской волости Протас Мартынов сын Чернобесова продал свою вотчину-пустошь Гилево некоему Ивану Кузьмину.¹⁷ Покупая участки земли, крестьяне могут вступать друг с другом в складнические отношения. В 1496/97 г. Яков Поляна Кузьмин сын Кашинцев и Кузьма Михайлов сын купили у Ивана Рыла Иванова часть пожню близ троицкого села Гнездинова, дав «на посплье» 20 алтын.¹⁸ Через 4 года Яков Поляна выкупил «у своего товарища у Кузьмы у Михайлова сына» его долю, дав «на посплье на полупожне полтину денег».¹⁹

Возможность отчуждения земли приводит к сосредоточению нескольких участков в руках одного крестьянина. Таким крестьянином в Нерехотской волости был, например, Протас Чернобесов, который распорядился не только «своей вотчиной» — пустошью Гилевской, но еще и Семениковской пустошью, получив за обе пустоши 4 рубля — стоимость двух крестьянских участков.²⁰ Обратная сторона этого процесса — появление крестьян, вынужденных так или иначе участвовать в чужом хозяйстве. Пример такого крестьянина — Ларивон Павлов, косивший пожни на р. Костроме «на помочи» у троицкого крестьянина Микулы Крутикова.²¹ Возможно, что такое кошение сена на чужом участке «на помочи» — первый шаг на пути в зависимое состояние.²²

Отчуждение земли и угодий приводит к тому, что крестьяне не всегда остаются на отцовских и дедовских участках. «Отец мой,

¹⁴ Там же, № 592.

¹⁵ Там же, № 123.

¹⁶ Там же, № 266.

¹⁷ Там же, № 137.

¹⁸ Там же, № 605.

¹⁹ Там же, № 634.

²⁰ Там же, № 137.

²¹ Там же, № 651.

²² Ср. духовную мелкого переяславского вотчинника Патрикея Строева (начало XV в.). Задолжавшие ему крестьяне косят искос на рост с полтин (там же, № 11; ср. также: И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. История СССР, 1962, № 3, стр. 157).

господине, жил в той земле (Маткове, — Ю. А.)... а тому лет пятнадцать», — говорит на суде конца 90-х годов крестьянин Федько Давыдов.²³ Сам он, очевидно, уже не жил на этой земле. «Отец мой, господине, Иван жил в той земле в Пискове, а тянул потуги с хрестьяны к Залесью», — говорит сын этого Ивана Олуна.²⁴ Сам он, однако, на эту отцовскую землю не претендует и не называет ее «вотчиной» — процесс идет о «нашей волостной тяглей Залесской» земле. По этой же причине и Есюня Костин не претендует на землю Оглоблинскую, где, по его словам, когда-то жил его отец вместе с Павлом Захарьиним.²⁵ Таким образом, как и следовало ожидать, крестьянский аллод неразрывно связан с волостью — именно эта связь является необходимым условием существования аллода.

Волостной человек может уйти со своего участка. «В том, господине, сельце на Поемесье жил хрестиянин Якуш Карач, ... а нынеча Карач изшол, а тому... год минул», — говорит слободчик Нерехотской волости Оверкей Клоков.²⁶ В этом случае, а также в случае бездетной смерти владельца, участок остается пустым. Тогда он и поступает в распоряжение волости как таковой. Именно таким участком — пустошью Кашшным — распорядились староста Андрей «со хрестияны» Залесской волости; считая эту пустошь волостной землей, они дали ее Лавроку Фалелееву и Торопцу Степанову сыну Ионафидину.²⁷

В некоторых случаях, по-видимому, выморочные запустевшие аллоды поступали в распоряжение местной княжеской администрации, дававшей их косить в кортому тем же волостным крестьянам. Так, земля Бураково, на которой, по словам бывшего старосты Осташа Панина, жил в 30-х годах Бурак, «а тянул в тягло к Залесью», потом запустела. В 60-х годах волостной крестьянин Гаврило Лягавин уже «ту пустошь наймовал в кортому косить у тивунов залесских у Матвея у Головцына у Григорьева да у Взворыкина у Степанка».²⁸

Распоряжение волостными землями и угодьями со стороны княжеской администрации наносит интересам волости прямой ущерб: деньги за наем такого участка идут уже не в волостной столец; кроме того, княжеские власти могут давать волостную землю в наем не только представителям волости, но и посторонним людям. Так, становщики Нерехотского стана Береза, Ортюк и Сидор Колчигин давали волостные нерехотские леса в наем троицким крестьянам.²⁹ Тот же Сидор Колчигин давал в наем

²³ АСЭИ, т. I, № 584.

²⁴ Там же, № 586.

²⁵ Там же, № 587.

²⁶ Там же, № 540.

²⁷ Там же, № 523.

²⁸ Там же, № 583.

²⁹ Там же, № 538.

троицкому крестьянину и пахотную землю Рязанцево.³⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что распоряжение запустевшими участками со стороны княжеской администрации носит временный и ограниченный характер. Эти участки не выходят из состава волостной территории. Именно тот факт, что крестьянин Ивашко Федотов, живучи за Троицким монастырем в селе Федоровском, «наймовал» у становщика Сидора Колчигина землю Рязанцево, которую «пахал, орал и сеял», служит аргументом в пользу принадлежности этой земли черной Перехотской волости.

По-видимому, становщик может давать запустевшую землю внаймы, но не может «назвать» на нее крестьянина. Он мог распоряжаться землей (точнее, получать с нее доходы) только пока она была пустой. Дать эту землю новому жильцу-аллодисту может только сама волость — «староста со крестьяны».

Тиуны тоже, по-видимому, могли давать пустоши только внаем. Во всяком случае, нам неизвестно из костромских актов ни одного случая другого порядка. Тиуны Матвей Головцын и Степанко дают в кортому косить и запустевшую землю Бураково,³¹ и пустошь Парамонцево,³² и пустошь Стременинково,³³ но нет указаний на то, что они сажают туда крестьян или отчуждают кому-нибудь эти пустоши.

Таким образом, право раздачи земель под жилые участки — одна из существенных прерогатив волостной общины. Эта прерогатива совершенно понятна и вытекает из самого существа дела. Владение своей землей — необходимое условие существования волости как территориальной общины. Свою землю волость предоставляет только тому, кто является ее членом, — тому, кто несет свою долю во всех волостных обязанностях. Жить на волостной земле — значит «тянуть» с волостью. Передача участка волостной земли не волостному человеку влечет за собой либо подчинение нового владельца волостным порядкам, т. е. превращение его в волощанина, либо выход земли из компетенции волости — ее обояривание (феодализацию). Тогда владелец участка «тянет» уже не с волостью и не к волости «в столец», а к боярину или монастырю или к их приказчику. В этих условиях волостелин или наместничий тиун, которому захотелось бы заселить какую-нибудь волостную пустошь, должен был или посадить на нее волостного человека, т. е. передать ее в распоряжение того же волостного старосты «со крестьяны», или посадить на нее человека боярского (монастырского), т. е. попросту отнять землю у волости. На это последнее местные княжеские агенты, по-видимому, не решались — это шло бы в прямое противоречие с их основными обязанностями. Таким образом, при системе местного управ-

³⁰ Там же, № 539.

³¹ Там же, № 583.

³² Там же, № 588.

³³ Там же, № 593.

ления, принятой в XV в., распоряжение волости всеми ее землями было вполне естественным и закономерным явлением, более того — существенной частью самой этой системы.

Перед лицом внешнего мира волость выступает как единое целое, во главе со своими должностными лицами — старостами и сотскими. Акты волости Верхний Березовец рисуют некоторые черты старосты — Осташа Панина. В 90-х годах XV в., к которым относятся эти акты, Осташ Панин — древний старик, помнящий за 70 лет: «Отец мой, господине, старостил в Залесье от сих мест за семьдесят лет, а яз по батьке пять лет старостил, а уж тому шестдесят лет».³⁴ Должность старосты, конечно, отнюдь не была наследственной, но на нее могли последовательно выбираться представители одной и той же, видимо влиятельной семьи. На судебных процессах своей волости против Троицкого Сергиева монастыря Осташ и через 60 лет после окончания своих полномочий старосты — один из главных авторитетов. Бывший староста хорошо помнит земли своей волости и их владельцев. Для него это люди и земли, на которые он в свое время «метал помет»: «Яз, господине, помню за шестьдесят лет; на той земле Буракове жил Бурак, а тянул тягло к Залесью, а яз был староста и помет есмь на него метал»;³⁵ «... помет есми, господине, столца метал на Матково и все потуги»;³⁶ «... жил, господине тут Мичко, и потуги метали столца»;³⁷ «... яз, господине, на ту землю, на Носково, метал пометы и дань и проторы поводил»;³⁸ «... помет есми метал дани и проторы на Потапово»;³⁹ «... та, господине, земля Стременникова, тянула к Залесью к столцу»;⁴⁰ «... и пометы, господине, метали и столца крестьяне (т. е., очевидно, тот же староста, — Ю. А.) на Шипулю, а земля... Залеская».⁴¹ Есть такие земли, которые из всей волости он помнит один. «И судья спросил Степанка: А иному кому у вас ведомо ли иные волости людем, опричь Осташа Панина?» (речь идет об истории пустоши Подболотной). «И Степанко тако рек: Иному, господине, у нас не ведомо никому, опричь Осташа».⁴²

Возглавляя волостной мир, староста представляет волость на суде. Залесский староста Андрейко ведет в конце 80-х годов процессы о спорных землях с Троицким Сергиевым монастырем. Однако все важнейшие дела староста делает не единолично, а «со крестьяны». С ними, например, он дает землю во владение: «... дал яз со крестьяны (пустошь Кашино) тому Лавроку да

³⁴ Там же, № 590.

³⁵ Там же, № 583.

³⁶ Там же, № 584.

³⁷ Там же, № 585.

³⁸ Там же, № 586.

³⁹ Там же, № 591.

⁴⁰ Там же, № 593.

⁴¹ Там же, № 594.

⁴² Там же, № 589.

Торопцу», — говорит о себе тот же Андрейко.⁴³ Судится с монастырем тоже не староста как таковой, а «Андрейко староста залеской и все крестьяне залеские».⁴⁴ И судья в случае неудачного для волости исхода дела обвиняет «старосту Андрейка и всех крестьян залеских» и грамоту правую дает «на них».

Важная черта волостной общины — ее обязанность поддерживать порядок на своей территории. Вот как могла выглядеть эта обязанность на практике, и притом в весьма критических обстоятельствах.

«Жилинец, господине, лесовал на тои пустоши, и под векшею... того розбили и изрезали, и лежал... под тем овином на тои пустоши на Кашине; и приезжал... тиун Федоров Федорова да Иванов Аминава, да имали... тутошнего старосту залеского и березовского собою, Берендея, да крестьян Тараса Рахманова, да Ивашка Чюпрокова и съпрашивали их: Вото оу вас волости розбили человека? И староста и Тарас и Чюпроков тако ркли: То, господине, пустошь монастырская троецкая... а нам до того дела нет». По словам рассказчиков — троицких крестьян Кузьмы Курьянова и Олешки — все это происходило «лет тритцать» тому назад, т. е. в 50-х годах.⁴⁵

Перед нами яркая картинка из жизни Залесской волости. Волость богата лесами (как показывает и само ее название); «лесовать» сюда приезжают и соседи — жители Жилинской волости. Убийство и ограбление «жилинца» на территории Залесской волости создает ситуацию, хорошо известную средневековому законодательству, — «учинилась вира», выражаясь словами Двинской уставной грамоты.⁴⁶ Сразу вмешивается княжеская администрация: приезжает тиун. Тут-то и начинается следствие. За волость отвечают староста и двое «мужей» — очевидно, «лучших» (Тарас Рахманов — владелец участка земли на р. Костроме, сосед Троицкого монастыря).⁴⁷ В сложившейся ситуации перед волостью два выхода: либо «доискаться» душегубца, либо платить виру наместнику. Двинская уставная грамота называет и размер этой виры — 10 рублей.⁴⁸ Это — стоимость по меньшей мере пяти крестьянских деревень. «Доискаться» преступника волостные мужи, очевидно, не могут или по каким-то причинам не хотят. Платить виру для волости тоже чрезвычайно обременительно, не говоря уже о том, что сам факт душегубства и разбоя на волостной земле наносит ущерб ее репутации и может привести к целому ряду весьма нежелательных для волости осложнений в ее отношениях как с княжеской администрацией, так и с соседней волостью,

⁴³ Там же, № 529.

⁴⁴ Там же, №№ 524, 525.

⁴⁵ Там же, № 523.

⁴⁶ Там же, т. III, № 7, ст. 1, стр. 21.

⁴⁷ Там же, т. I, № 213.

⁴⁸ Там же, т. III, № 7, ст. 1.

к которой принадлежал потерпевший. В этих условиях волостные мужи принимают решение доказать свое алиби ценой отказа от участка, на котором совершено преступление. Нельзя не признать, что решение старосты Берендея и его «мужей» было в какой-то мере оправданным: участок пустой земли, судя по актам того времени, мог стоить всего 160 бел, т. е. волость проигрывала в материальном (а также и в моральном) отношении гораздо меньше, чем при выплате виры. Таким образом, обязанность поддержания порядка могла иногда обходиться для волости весьма дорого.

Кроме старосты, в волости есть сотский. «Есть, господине, у нас на то Семен сотской...», — отвечает староста Андрейко на вопрос судьи о знахорях в одном из судебных дел Залесской волости.⁴⁹ Сотский Нерехотской волости Федко Торопыня — «муж» на суде о землях своей волости.⁵⁰

Как уже отмечалось, важными лицами во всех делах волости являются «мужи». Волостные мужи стоят рядом со старостой перед тиуном, защищая волость от обвинения в «убитой голове». Волостные мужи нередко ведут процесс от лица всей волости — «в старостино и всех крестьян место» — и в защиту ее интересов. Так, крестьянин Нерехотской волости Ивашко Федотов судился от имени Нерехотской волости с властями Троицкого Сергиева монастыря о целом ряде волостных пустошей.⁵¹ Такую же роль в Верхнем Березовце играет Степан Понафидин.⁵² Мужичицы иногда выступают в составе целой коллегии. Так, дело о земле Оглоблиной ведут четыре крестьянина — Куземка Давыдов сын, Олупка Иванов сын, Степанко Понафидин сын, Федко Давыдов сын.⁵³ Эту же коллегию мы видим и на суде о земле Подкосовой,⁵⁴ и на суде о земле Шипулино.⁵⁵

Одна из важнейших проблем истории волости — проблема ее взаимоотношений с соседом-феодалом. Вотчина сталкивается с волостью прежде всего по вопросу о земле.

Одним из путей приобретения феодалом волостной земли является скупка крестьянских участков и угодий. Так, после покупки села Гнездникова у местных феодалов Гнездниковых⁵⁶ монастырские старцы заключили ряд мелких сделок на земли своих новых соседей. У ближайших соседей, Павла Захарьина и его сына Ивана, монастырь в два приема купил землю Оглоб-

⁴⁹ Там же, т. I, № 525.

⁵⁰ Там же, № 540.

⁵¹ Там же, №№ 537—540.

⁵² Там же, №№ 583—586, 588, 589, 591—593.

⁵³ Там же, № 587.

⁵⁴ Там же, № 590.

⁵⁵ Там же, № 594.

⁵⁶ Там же, № 119. — Имя Гнездниковых в других актах не встречается.

В пользу феодального характера их владения говорит его высокая цена — 12 рублей (крестьянский участок стоит 2—3 рубля).

лино,⁵⁷ у Ивана Калининна — два наволока на р. Костроме, всего за 120 бел,⁵⁸ у Федора Григорьева — три наволока за 160 бел,⁵⁹ у Фалелея Елагина старец Иов выменял пожню, купленную этим Фалелеем за 20 бел у Ивана Шастунова.⁶⁰ К этим сделкам примыкает вклад Родиона Потапова сына на пустошь Потаповскую — по душе родителей и своей.⁶¹

Кто такие эти контрагенты монастыря? Судя по размерам сделок и характеру имен, можно предполагать, что это крестьяне. Во всяком случае, волость Верхний Березовец считала почти все эти земли своими и судилась за них с монастырем. Наволоки Долгий и Верхний, проданные И. Калининным в монастырь, так характеризуются волостными знахорями — старожильцами Спирыяком Калининным и Бардаком Поповым на судебном процессе 80-х годов: «... те, господине, наволоки тянули к земле Овсяниковской из старины; лет... помним за пятьдесят, а те... наволоки тянут к земле Овсяниковской».⁶² «К Залесью в столец и во все потуги» тянула и земля Потаповская — по словам волостных старожильцев, помнящих за 60 лет.⁶³ Суд идет и о земле Оглоблине — здесь вместе с Павлом Захарьиним жил когда-то Костя, отец крестьянина Есюни,⁶⁴ — и о связанной с этой деревней пустоши Тевляиковской.⁶⁵

Скупка земель и угодий — не единственный путь феодальной (в частности, монастырской) экспансии на территорию черной волости.

«Став на земле на Волосцове, да на Пупкове, да на пустошах на Синцове, да на Окулове, тако рек Ивашка Федотов (крестьянин Нерехотской волости, — Ю. А.). — То, господине, земли великого князя черные, а то... Волосцаво да Пупково были пустоши, а нынеча... старци троицкие поставили на тех пустошех деревни».

Ответчик — троицкий старец Даниил — предъявил судье данную грамоту Кучецких на село Юринское, в которой, однако, о спорных землях не говорится ни слова.

Откуда же взялись новые троицкие деревни? «Те, господине, деревни ставили на лесе на Юринском, розсекая лес, хрестияне юринские», — объясняет старец, и его знахори — монастырские крестьяне Захар, Терех и Ермак — подтверждают его показание. Однако истец, Ивашка Федотов, знает другую версию истории

⁵⁷ Там же, №№ 123, 266. — Отвод села Гнездиикова был «по Захарьину межю» (там же, № 119).

⁵⁸ Там же, № 122.

⁵⁹ Там же, № 121.

⁶⁰ Там же, №№ 125, 126.

⁶¹ Там же, № 124.

⁶² Там же, № 524.

⁶³ Там же, № 591.

⁶⁴ Там же, № 587.

⁶⁵ Там же, № 525.

спорных земель: «... то земли великого князя черные, а тянули те земли к Нерехте... А что, господине, сказывают Захар, да Ермак, да Терех, что те деревни ставили, рассекая лесы, а ныне на тех пустошах на Синцове да на Окулове и сегодня печища старое, а сами... те печища и пашут».

Решающий аргумент волостной стороны, таким образом, — наличие «печища», остатка старого крестьянского поселения, стоявшего когда-то в спорном лесу. «А на лете, господине, и печища найдем», — говорит Ивашко Федотов. И противная сторона вынуждена по существу капитулировать в этом решающем вопросе: «И Захар, и Ермак, и Терех тако ркли: Есть, господине, на Окулове печища...».⁶⁶

Одним из путей расширения феодальной вотчины является, следовательно, хозяйственное освоение заброшенных волостных участков — фактический захват волостной земли. Таким путем монастырские крестьяне освоили лес, связанный с деревней Гилево, бывшим аллодом крестьянина Протаса Чернобесова: «Мы, господине, того не ведаем, чья то земля бывала была изстарины, — откровенно говорят монастырские знахори, — а розсекали... тот лес хрестияне гилевские». Однако они вынуждены признать, что «то... розсечен лес Гилевской, что поставил двор за великого князя Оверкей слободчик, а называют Дубовицами»; это полностью совпадает с показанием истца — того же нерехотца Ивашки Федотова: «А на Дубовицах... и нынеча печища старое, а на весне печища и найду».⁶⁷

Подобным действиям монастырских властей способствовало молчаливое попустительство местных низших агентов княжеской администрации, запуганных или подкупленных могущественным феодалом. «А становщик, господине, Панфил те земли все помнит, да не говорит, а становое держит лет з дватцать», — характеризует одного из таких агентов волостной истец. И действительно, «становщик Панфил тако рек: Яз, господине, не ведаю, чье то земли бывали, не помню». И четыре спорных пустоши, в том числе Рязанцево, которую Ивашко Федотов «пахал, орал и сеял», нанимая у становщика же, были присуждены Троицкому Сергиеву монастырю.⁶⁸

Перед нами, по-видимому, не единичные случайные факты, а широко распространенная система: появление монастырской вотчины на границах черной волости — исходный момент для проникновения монастырских владений в глубь волостной территории.

Что же происходит с волостной землей после перехода ее в руки монастыря?

⁶⁶ Там же, № 538.

⁶⁷ Там же, № 537.

⁶⁸ Там же, № 539.

«Яз, господине, помню за сорок лет; в той земле в Маткове жил Федор слободчик, а тянул проторы и потуги к Залесью», — дает свои показания на суде 90-х годов волостной знахорь — крестьянин Максимко. Троицкий знахорь Семен Иванов знает того же Федора, но уже в другом качестве. «Яз, господине, помню за полчетвертатцать лет; на том... Маткове тут жил Федор слободчик, а половничял на монастырь на Троецкой, и жито делил на гумне с ключники с монастырскими». Итак, превращению крестьянского аллода в феодальную собственность соответствует превращение ее прежнего владельца, волостного человека, в монастырского половника.⁶⁹

«В той, господине, земле в Мичкове отец мой жил, а на старца Ферапонта на троецкого половничял, а после отца своего половничяю яз, а дань... даем с монастырскими хрестьяны х Костроме, а службою... приданы х Костроме», — так рассказывает о себе крестьянин Олексейко — тот самый, на которого волостные люди, претендующие на землю Мичково, ссылаются как на своего («жил... в той земле Олексейко да Гридка, а с нами тянули»). «Та, господине, земля Мичково монастырская троецкая, а половничяю... на монастырь тритцать лет, а дань даем... х Костроме...», — вторит ему его товарищ Гридя.⁷⁰

Волостной истец Степан Понафидин в споре о земле Носкове ссылается, в числе прочих знахорей, на Микифора Гридина сына. А вот что говорит о себе сам Микифор: «...сел есмь, господине, на ту землю у закащика, оу старца оу Фарафонтья оу троецкого по Галицком бою на другой год, а делал есмь... на монастырь...».

Итак, Микифор Гридин сын, которого волость продолжает считать своим человеком, на самом деле «сел» на монастырскую землю и превратился в человека монастырского: «...и дань есмь давал с монастырскими хрестьяны х Костроме и всеми потуги, а не к Залесью».⁷¹

Такая же метаморфоза произошла с жителями деревни Подкосово, крестьянами Онцыфором и Полуханом. Их имена назвали волостные люди в ответ на вопрос судьи — «кто туто жил, а с вами тянул?»: «Жили, господине, туто Онцыфорик да Полухан, а нынеча живут туто же».⁷² Но сами Онцыфор и Полухан показали, что хотя и живут на Подкосове соответственно 40 и 30 лет, но «пащют» на монастырь, и «дань дают х Костроме, а не к их стольцу», и службу великого князя служат «с костромлявы».⁷³

⁶⁹ Там же, № 584.

⁷⁰ Там же, № 585.

⁷¹ Там же, № 586.

⁷² Там же, № 590.

⁷³ Там же, № 594.

О жителе деревни Шипулиной, объекта очередного спора волости с монастырем, истцы-волощане — Куземка Давыдов сын со своими «товарищи» — говорят: «Жил, господине, в той земле Ивашко Михалев, с нами тянул, а нынеча живет туто ж». А сам Ивашко Михалев доказывает: «Яз, господине, на той земле на монастырской на Шипулине деревню поставил, уж тому шстой год, а тянул... всеми поплинами с монастырскими крестьяны». По словам волостных людей, землю Шипулино отнял у них троицкий заказчик Афанасий «уже тому семой год». Таким образом, захват земли монастырем и появление на этой земле деревни, поставленной монастырским крестьянином, вчерашним волостным человеком, — это последовательные звенья одной и той же цепи событий. Феодализация волостной земли сопровождается как необходимым следствием феодализацией людей — вовлечением волостных крестьян в орбиту феодальной вотчины. Прежние административные и фискальные связи этих людей с волостью разрываются, и на смену им приходят новые связи — вотчинные, феодальные.

Насколько прочны эти новые связи? Может ли вчерашний волощанин — сегодняшней монастырский половник — завтра снова вернуться в волость к своим «товарищам», мужам-аллодистам? Это один из коренных вопросов истории русского крестьянства XV в. Как же отвечают на этот вопрос сами крестьяне — действующие лица наших актов?

«...яз же, господине, живучи за монастырем за Троицким, да те лесы наймовал...»; ⁷⁴ «...яз, господине, живучи за монастырем за Троицким на Федоровском, то Рязанцово пахал...», ⁷⁵ — говорит о своем прошлом крестьянин Ивашко Федотов — тот самый муж Нерехотской волости, который ведет от имени волости процесс с Троицким монастырем за спорные земли. Таким образом, Ивашко сумел не только «отказаться» от монастыря и вернуться в волость, но и стать одним из ответственных и авторитетных представителей последней.

А вот что рассказывает троицкий крестьянин Ивашко Ондронов: «Отец мой, господине, пришел в ту землю Оглоблино, а яз (с) своим отцем, на того Степанкова отца место на Понафиду на половничество, а уж тому полпятадесят лет...». ⁷⁶ Степанко Понафидин — крестьянин волости Верхний Березовец. Он ведет от лица волости ряд судебных процессов против Троицкого монастыря, ⁷⁷ сам помнит, по его словам, лет за шестьдесят. ⁷⁸ А отцом этого активного представителя волостного мира оказывается монастырский половник.

⁷⁴ Там же, № 538.

⁷⁵ Там же, № 539.

⁷⁶ Там же, № 587.

⁷⁷ Там же, №№ 583—594.

⁷⁸ Там же, № 587.

На основании показаний других старожильцев можно наметить примерно следующую хронологическую последовательность событий. В 30-х годах земля Оглоблино принадлежала крестьянину Захарию; его сын Павел владел этой землей вместе с Костей. По словам Есюни, сына этого Кости, это было еще 50 лет назад, т. е. в 40-х годах. Затем Павел продал часть земли в монастырь,⁷⁹ другую часть позднее продал его сын Иван.⁸⁰ Тут-то и пришел на вновь приобретенную монастырем землю половник Понафида. Землю троицкий покупатель старец Ферапонт «купил пусто»,⁸¹ следовательно, половник должен был поставить тут деревню. Понафида, как и другие половники, несомненно и «жито делил на гумне с прикащики», и дань давал «великого князя данщиком х Костроме», и службу служил с «костромляны». Но это не помешало ему уйти обратно в волость. А на его месте в монастырской деревне оказались другие выходы из той же волости.⁸²

Таким образом, волостной человек может стать монастырским половником, а затем снова вернуться в волость. Материалы Костромского уезда полностью подтверждают гипотезу И. И. Смирнова, высказанную им в связи с одним из переяславских актов: жителей в феодальную деревню поставляет черная волость, в волость же и «отказываются» жители этой деревни.⁸³ Свобода крестьянского перехода — один из важнейших институтов Руси XV в. Этот институт необходимо связан с наличием двух принципиально различных социальных организмов — черной волости и феодальной вотчины, составляющих аграрную структуру раннефеодального государства.

⁷⁹ Там же, № 123.

⁸⁰ Там же, № 266.

⁸¹ Там же, № 123.

⁸² Наши материалы позволяют проследить своеобразную крестьянскую генеалогию. Понафида, живший в первой половине XV в., — волостной человек, затем монастырский половник, затем снова волостной человек. Его сын Степан, родившийся около 1420 г., — один из руководителей волостного мира. Наконец, сын Степана Торопец — в 80-х годах взрослый человек, живущий отдельно от отца, — со своим «товарыщем» Лавроком Фалелейковым он получил от старосты Андрея «со хрестияны» пустошь Кашино (там же, № 523).

⁸³ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси, стр. 139—140.